

22. *Столяренко Л.Д.* Основы психологии. Ростов-на-Дону, 1996.
23. *Федотова Е.О.* Нарушение устойчивости самооценки при неврозах. Дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.
24. *Худобина Е.Ю.* Соотношение эмоционального и когнитивного компонентов самооценки у младших школьников: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988.
25. *Чеснокова И.И.* Онтогенетические особенности самосознания личности // Принцип развития в психологии. М., 1978.
26. *Шульга Т.И.* Психологические основы формирования воли. Пятигорск, 1993.
27. *Шульга Т.И.* Становление волевой регуляции в онтогенезе: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1994.
28. *Юнг К.* Структура психики в процессе индивидуации. М., 1996.
29. *Якобсон С.Г.* Психологические проблемы этического развития детей. М., 1984.
30. *Crain W.* Theories of development. 3 ed. New Jersey: Prentice Hall, 1992.
31. *Piaget J.* The origins of intelligence in children. N.Y.: International Univ. Press, 1974.

Психология эмоций

© 1998 г. А.Ш. Тхостов, И.Г. Колымба

ЭМОЦИИ И АФФЕКТЫ: ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Часть I. Закономерности формирования и функционирования эмоций в норме (феноменология, генез, функции)

Обсуждается соотношение понятий "эмоция" и "аффект", прослеживается генетическая связь между этими психологическими образованиями. В качестве основной характеристики зрелой эмоции выдвигается произвольность как возможность опосредованного управления переживанием, проявлением и порождением эмоций.

Ключевые слова: эмоция, аффект, высшая психическая функция, знаково-символическое опосредствование, произвольность.

Большинство исследований в области психологии эмоций традиционно начинаются ссылкой на неразработанность этой проблемы. Н.Н. Ланге в "Психологии" (1914 г.) писал, что чувства занимают в психологической науке место Золушки: «нелюбимой, гонимой и вечно обобранной в пользу старших сестер – "ума и воли"», и что любой самый незначительный аспект познавательных процессов лучше изучен, чем ключевые вопросы психологии чувств. I.M. Bentley [28], характеризуя неутешительное состояние проблемы эмоций, указывал, что в трактатах и курсах по психологии сам термин "эмоция" – не более, чем название главы, содержащей скудный набор: классификацию эмоциональных явлений, изложение теории Джемса-Ланге и ссылки на патологический материал. Спустя семьдесят лет к этому можно добавить только то, что предлагаемые классификации стали проще, но не последовательнее, теория Джемса-Ланге, несмотря на ее весьма аргументированную критику, остается самой авторитетной концепцией, во всяком случае, одной из наиболее цитируемых (Ф. Блум, А. Лейзерсон, Я. Хофстедер [3]), а патологический материал благодаря его исключительному богатству не может быть осмыслен без адекватной психологической теории.

Более того, исследованию эмоций в философии и старой психологии уделялось несравненно большее внимание, чем в последние десятилетия, и описания эмоций в трудах Декарта, Канта, Спинозы остаются образцом феноменологического исследования. Практически через сто лет после его издания В.К. Вилюнас назвал непревзойденным по охвату и полноте капитальное исследование эмоций Н.Я. Грота (1879).

В качестве причин второстепенного положения проблемы эмоций в психологической науке приводят следующие. По словам Ланге, препятствием развития психологии эмоций выступают две теоретические крайности – метафизические теории, рассматривающие эмоциональную жизнь как "особую душевную деятельность", и интеллектуалистические, приравнивающие эмоции к разновидности когни-

тивных процессов. Отчасти такая ситуация вызвана и разделением психологии эмоций на описательную и объяснительную, которые, по словам Л.С. Выготского, существуют как две параллельные линии, нигде не пересекаясь. Поскольку психические явления изучаются с точки зрения причинного объяснения, постольку они составляют предмет естественнонаучного, физиологического познания. Другой способ познания психической жизни ставит перед собой задачу не объяснения, не выяснения каузальной закономерности, а восстановления и воссоздания переживаний во всей их конкретности, во всем их внутреннем своеобразии. В современной психологии по-прежнему сосуществуют эти два фактически не связанных направления: с одной стороны, экспериментальная психология эмоций (Дж. Гельгорн, Э. Луфборроу [10], Я. Рейковский [18]; П.В. Смирнов, А.И. Трохачев [20] и др.), и, с другой, – невыводимые из нее феноменологические и теоретические исследования (К. Ясперс [26]; Л. Витгенштейн [7]; В.К. Вилюнас [6]; И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров [4] и др.).

Кроме причин, относящихся к логике и ходу научного познания, трудности изучения эмоций определены, на наш взгляд, самой природой этого явления. Так, феноменологически эмоции даны нам как переживание и, в то же самое время, как ощущение физиологических изменений. Выступая одновременно в двух ролях – в образах сознания и в материальных (вегетативных) проявлениях – эмоции становятся ареной столкновения различных философских традиций. Попытки установления причинно-следственных отношений между этими разнородными (и в то же время неразрывными) свойствами эмоций нашли крайнее выражение в физиологических теориях эмоций Джемса-Ланге, Кэннона-Барда, пытающихся "не умножать сущности" путем сведения феноменологии к физиологии. Однако исключение из рассмотрения одной из этих сторон в попытке установить однозначную каузальную связь ведет к редукции эмоционального явления, либо к физиологическим состояниям, либо к "нематериальным" феноменам сознания и утрате самого предмета изучения, не говоря уже о том, что полная редукция феноменологии в этом случае не более чем иллюзия, ибо физиологические изменения сами даны субъекту в феноменологическом виде.

Еще одна сложность изучения эмоциональных явлений – чрезвычайно широкий спектр явлений, относящихся к аффективной сфере: от аффективного фона сознания, восприятия, мышления до "самостоятельных" ярких эмоций; от плохо дифференцированных, произвольных аффектов до стабильных опосредствованных речью чувств. Этот общий "аффективный" радикал многих феноменов сознания еще больше запутывает проблему: эмоция трудноуловима в качестве самостоятельного объекта исследования, ибо представляет собой особое содержание сознания, аффективную окраску явлений, не являющихся эмоциями. Мало того, эмоции обладают еще и свойством "переключаемости", когда предметом одной эмоции становится другая (я стыжусь своей радости, я упиваюсь своим горем), а также способностью наслаиваться одна на другую, образуя череду труднодифференцируемых отражений. Особую методологическую сложность исследования образует двойная опосредованность эмоциональных явлений познавательными процессами и смысловой сферой личности.

Трансфеноменальность эмоции проявляется в ее непрерывном присутствии во всех актах сознания; то в виде фона, то в виде фигуры. Другая глобальная характеристика эмоций – обязательная предметность. Так, в структуре эмоции традиционно выделяется два элемента – эмоциональное отношение и предмет, которому адресуется отношение. Подобно тому, как сознание есть всегда сознание "о чем-то", интенциональность эмоций заключается в их предметной отнесенности. "Такие модусы мышления, как любовь, желание и всякие другие так называемые аффекты души, могут существовать только в том случае, если в том же самом индивидууме существует идея вещи любимой, желаемой и т.д." [21, с. 403]. "Эмоция в каждый момент возвращается в объект и там насыщается" [19, с. 130]. Предметность, пожалуй, самый старый феноменологический факт (Аристотель, Спиноза) психологии эмоций, который, являясь бесспорным, остается недостаточно разработанным практически, хотя, на

наш взгляд, именно этот аспект наиболее важен для понимания структуры, генеза и механизмов развития эмоций как в норме, так и в большинстве патологических форм эмоциональных явлений.

В контексте данного рассуждения в ряду многообразных эмоциональных явлений мы выделяем понятия аффекта и эмоции, образующие оппозицию по ряду признаков: степени осознанности, произвольности, уровня предметности, опосредствованности речью и др. Хотя большинство реальных эмоциональных явлений не относится к "абсолютным" аффектам или эмоциям, в целях теоретической проблематизации их можно представить как крайние точки гипотетического континуума, задающие основные различия. Тогда аффект выступает как неуправляемое (непроизвольное), зачастую беспредметное переживание, образующее натуральный базис эмоции. В аффекте феноменологические и вегетативные проявления недоступны интроспективному расчленению, не образуют временного зазора, непосредственны и неуправляемы. Противоположный полюс – целостная зрелая эмоция, доступная опосредствованной регуляции, рефлексии и всегда предметная.

С генетической точки зрения эмоции могут рассматриваться как высшие психические функции ВПФ, обладающие всеми их характеристиками: иерархическим строением, прижизненным социальным характером формирования, знаково-символическим опосредствованием и произвольностью. Природная аффективность, образующая натуральный базис эмоции, имеет эволюционно-приспособительное значение, задавая основные измерения аффективного переживания: опасное-неопасное, приятное-неприятное [1, 25].

Первично субъект неотделим от переживаемого аффекта (Я-чувство), однако в ходе онтогенетической социализации происходит выделение себя в качестве субъекта переживания ("Я чувствую"), формирование орудий управления эмоцией, а затем и "обособление", отчуждение самой эмоциональности ("чувства охватили меня"). Использование знака радикально меняет направление развития аффективности: человек из объекта аффекта превращается в субъект эмоции. В качестве знаковых систем, определяющих формирование эмоции, выступают натуральные явления экспрессии тела – жесты, мимика, приобретающие знаковые функции, и собственно знаковая система – речь.

Дифференциация первичного аффективного отражения на отдельные чувства, существующие в данной культуре, происходит с помощью взрослого человека. Подобно тому как мать наполняет смыслом и означает витальные потребности и телесные функции ребенка [22, 16], она опознает и называет (означивает) мимические, двигательные, физиологические признаки его состояния в терминах эмоций: удовольствия, неудовольствия, радости, печали и т.д. ("ты сердиться, радуешься, волнуешься, расстроен"); сомато-вегетативные проявления физиологического состояния – покраснение, побледнение, напряжение, расслабление и пр. – обретают эквиваленты в эмоциональных переживаниях, превращаясь в его знак и дополняя натуральное, организмическое значение символическим. Такое "удвоение" ведет не только к формированию широкого круга эмоций, но и "перестройке" функций организма (в частности, физиологических проявлений эмоций), которые из естественных и непроизвольных становятся социальными и управляемыми. Л. Витгенштейн описывает приобретение натуральным ощущением знаковой функции на примере боли. "Слова связываются с изначальным, естественным выражением ощущения и подставляются вместо него. Ребенок ушибся, он кричит; а взрослые при этом уговаривают и учат восклицаниям, а затем и предложениям. Они учат ребенка новому, болевому поведению... Словесное выражение боли замещает крик" [7, с. 171].

В контакте со взрослыми и под их руководством происходит усвоение форм проявлений эмоций, причем как предписаний, так и запретов в этой области. В этом смысле эмоция ничем не отличается от других высших психических функций, проходя путь от интерпсихических к интрапсихическим, путь, отмеченный лишь специфичностью **негативной** формы совместной деятельности, характерной, например, для телесности

или сексуальности: разделение с взрослым не только **выполнения** функции, но и ее **запрещение** [24]. Примером такого рода запретов является принятый в культуре общения отказ от прямого выражения своих чувств мужчинами ("Настоящий мужчина не плачет"). Следует заметить, что социализация аффектов в виде усвоения культурных предписаний и запретов является условием, способом и результатом развития произвольного управления эмоциями. Если в структуре аффекта переживание и его проявления выступают слитно (так у новорожденного младенца переживание неотделимо от физиологических реакций и выразительных движений), то в "окультуренной" эмоции эти феномены расщеплены. Примером может быть вежливость как набор предписаний и ограничений выражения истинных чувств в определенных ситуациях.

Прижизненным и социальным является как установление связи "аффект-предмет" ("ты радуешься новой игрушке"), так и обучение отношению к предмету эмоции (объекты, связанные с положительными переживаниями, оцениваются как "хорошие" и желаемые, и – наоборот). Путем интериоризации изначально **внешнего диалогического процесса** во внутренние механизмы эмоциональной регуляции формируется зрелая эмоция, функция которой – овладение и управление своим поведением. Таким образом, эмоция приобретает произвольность, которая достигается не прямо (поскольку человеку невозможно "не чувствовать"), а опосредствованно, через знаково-символические операции.

Слово матери создает систему координат и ориентиры, "проводя" ребенка через этапы "приручения аффектов": дифференциация своих и чужих чувств, их название, обучение выражению, управлению эмоцией, установление связи с ее предметом. Другим "инструментом" знаково-символического опосредствования эмоций, помимо речи, становится их предметная область. "Непосредственно эмоциональное общение младенца и матери уже на первом полугодии жизни не сводится к двухполюсному обмену эмоциями; в качестве третьего звена в него вклинивается мир предметов, и мать не пропускает случая указать, что в этом мире интересно, хорошо, страшно" [6]. Ребенок обучается управлять своими переживаниями через "овладение" их предметами. Элементарное приближение к объектам положительным и удаление от объектов отрицательных (вызывающих соответствующие эмоции), свойственное низшим формам аффективности, заменяется на сложную деятельность "овладения" своим поведением, и своими эмоциями, и окружающим миром. Подобно тому как потребность, по словам А.Н. Леонтьева, должна прозреть в результате встречи со своим предметом, аффективное состояние превращается в эмоцию путем установления связи "аффект-предмет". Это событие радикально меняет ситуацию: крик ребенка из **проявления** страха становится орудием **овладения и управления** этим страхом – призывом о помощи.

Так же, как к другим ВПФ, к эмоциям применимы слова Л.С. Выготского, что в функциональном отношении они (ВПФ) выполняют в поведении новую и "существенно иную по сравнению с элементарными функциями (здесь – аффектами) роль осуществляя организованное приспособление "к ситуации с предварительным овладением собственным поведением" [9, с. 55].

Таким образом, центральной характеристикой зрелой эмоции выступает ее произвольный характер. В этом смысле эмоция может быть противопоставлена аффекту, образуя противоположный полюс континуума: эмоция произвольна, аффект непосредствен. Поскольку высшие формы эмоций и системы их регуляции строятся на основе натуральных и связаны, по выражению Выготского, тысячей нитей с последними, управление реализуется не столько на уровне порождения, сколько на уровне проявления эмоций. Разведение переживания и проявления в социализованной и окультуренной эмоции, возможность отсроченной, измененной или подавленной реакции – результат формирования произвольности. А "отчуждение" эмоций, проявляющееся в языке как в виде оборотов, где человек выступает объектом эмоций ("чувство охватило меня"), так и в уподоблении эмоциональности чему-то стихийному

("бура чувств") – свидетельство ограниченной возможности регуляции этой сферы. В эмоция всегда остается "зазор" первобытного неуправляемого аффекта в виде необъяснимого чувства, произвольно возникающего и трудно поддающегося регуляции. Подобная "инерционность" эмоций способствует установившемуся мнению о них как о неуправляемых в отличие от, например, познавательных процессов. Невозможно приказать себе "не чувствовать" или "не переживать" определенные эмоции, но возможно так перестроить деятельность, расширив контекст данного события, что это приведет эмоции к разрядке или изменению. Невозможно произвольно, путем самокоманд или самоубеждений вызвать определенное чувство, но "манипуляции" с предметом эмоций дают возможность так организовать ситуацию, что это приведет к появлению желаемых чувств ("...камин растоплю, буду пить, хорошо бы собаку купить". И. Бунин)¹.

Если с генетической точки зрения эмоции представляют собой высшие психические функции, то функциональный подход позволяет рассматривать их в качестве знака (семиотической системы). Традиционно выделяемые функции эмоции – оценки и побуждения (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.К. Виллюнас) – реализуются именно благодаря их знаковой природе. Кодирование как свойство знака позволяет осуществлять как оценку предметов и явлений в виде присвоения определенного ранга в зависимости от субъективной значимости, так и формировать производное от оценки побуждение.

Возможность рассмотрения эмоций в качестве знаковой системы основана на следующих предпосылках: во-первых, элементы эмоции (чувство и отражаемое содержание – предмет этого чувства) представляют собой явления разного порядка и не могут быть связаны отношениями равенства или подобия. Установление неоднозначных отношений между аффективным чувством и его предметом переводит аффективность из натуральной природной сферы в знаково-символическую, т.е. семиотическую. Во-вторых, функция кодирования, наиболее полно воплощенная в языке как образцовой семиотической системе (Р. Барт), присуща и эмоциям, что запечатлено в устойчивом выражении "язык чувств". В-третьих, существование и формирование эмоции становится возможно лишь благодаря субъекту их переживания² и/или субъекту-интерпретатору; сходным образом знак определяется как все, что может быть интерпретировано; даже при отсутствии адресата (Ч.С. Пирс) или отправителя (Р. Якобсон). В связи с проблемой интерпретации следует отметить, что эмоция выступает как знак двояко, в зависимости от того, кто ее интерпретирует: эмоция как знак-для-себя и как знак-для-другого. Изменение вегетатики у ребенка – это знак для матери или для врача. А горе для человека – знак того, что он утратил нечто очень дорогое. Иногда одна и та же эмоция может быть интерпретирована совершенно различным способом. Скорбь или радость для человека, их испытывающего, есть знак радостных или печальных событий, тогда как для психиатра или психолога это знак психической болезни, а для психоаналитика – отблеск неких давно забытых происшествий (знак есть нечто, продуцирующее отклик на предмет, отличный от самого знака [27]).

Итак, являясь знаком, ассоциированным из элементов (аффективного чувства и предмета этого чувства), эмоция несет информацию о том, что этот объект обладает определенным значением для субъекта, а модальность аффективного чувства раскрывает как именно он значим: приятен, необходим, опасен, безразличен, неприятен и т.д. Необходимо подчеркнуть, что, выступая как знак, эмоция непосредственно переживается, т.е. вызванный свойствами объекта отклик в виде эмоционального отношения приписывает этому объекту определенные качества. При социализации

¹ Примером опосредованного управления эмоциональными состояниями является актерская техника вызывания эмоций либо через телесные функции, либо с помощью воображения (Станиславский К. Работа актера над собой. 1954. Собр. соч., Т. 2).

² "...удовольствие, желание, гнев и т.п. существуют в мире лишь постольку, поскольку в нем есть существа-субъекты" [5].

отношение между аффективным чувством и его предметом перестает быть однозначным, их связь теряет непосредственный характер, определяясь индивидуальными особенностями смысловой сферы и опыта, а также культурными нормативами и правилами. Это отношение может обладать подвижностью и возможностями трансформации в результате эмоционального переключения. Такого рода связь носит не характер тождества, когда определенный объект однозначно связан с конкретным аффективным чувством (что характерно для инстинкта), а скорее эквивалентности (или, если говорить в категориях семиотики, "приписанности" – imputed). Если первичный "первобытный" аффект является как бы знаком самого себя и в этом отношении эмоциональные явления, родственные аффекту, близки иконическому или индексному знаку, то эмоция, в силу приписанности скорее подобна символическому знаку. Если я говорю "я боюсь собак", – это означает, что собаки ассоциированы в моем субъективном семантическом пространстве со страхом; если я обрадован каким-то событием, то это событие эквивалентно радости. Сами по себе ни собаки, ни конкретное событие не обладают универсальной способностью вызывать страх или радость, эти отношения эквивалентности существуют в индивидуальном и часто во временном контексте, будучи опосредованными множеством ситуативных переменных. Несомненно, одни стимулы обладают большей степенью универсальности, другие – большей степенью индивидуальности, однако в любом случае эти отношения представляют собой отношения эквивалентности (определяемые факторами личной истории, общественной, исторической, культурной реальностью). Мать, провожающая сына на войну, испытывает страдание, но можно предположить ситуацию, когда мечтающий о подвигах юноша (Николай Ростов в "Войне и мире") будет рад началу войны, которая несет столько горя большинству людей, в том числе, – его матери.

Для зрелой сформированной эмоции характерно, что *означающее* в этом случае есть объект или явление, являющийся предметом аффективного чувства, *означающее* – само аффективное чувство, а *знак* – эмоционально переживаемый объект, данный в отношении к субъекту, субъективированный и присвоенный, ставший частью внутреннего мира. Однако в ходе формирования знака есть увлекательный и загадочный момент, когда происходит смена ролей означаемого и означающего, предшествующая окончательной сформированности отношений между элементами, к которым мы привыкли. Показательнее всего рассмотреть этот скрытый процесс на примере освоения ребенком языка. Так, малыш в возрасте 1,5–2 года значительно расширяет свой словарный запас, усваивая множество слов, которые являются названиями хорошо известных ему предметов: имен близких, частей своего тела, посуды, связанной с кормлением. На протяжении всей жизни эти слова будут выступать в качестве означающих, однако в процессе обучения для усвоения их эквивалентности определенным предметам ребенок использует свое внутреннее, внесловесное знание об объектах в качестве обозначения звукового образа (показатель, что освоение языка начинается с предметного окружения, понятия – позже). Например, ребенок на чувственном уровне хорошо знает, что такое каша, которой его ежедневно кормят, и усваивая слово "каша", он будет идти от своего "знания" о теплой, сладкой, дающей сытость субстанции, для обозначения слова "каша". То есть сам предмет будет выступать в качестве означающего для своего словесного эквивалента. Другим примером использования знакомого присвоенного предмета в качестве означения для формирования знака является процесс изучения букв ребенком постарше. Когда он изучает буквы, используется, как правило, прием связывания графических символов с акустическими образами известных предметов (путь: предмет – акустический образ – графический символ). Широко распространенные азбуки, где каждой букве соответствует хорошо знакомый предмет, останавливают для нас это мгновение, когда элементы знака находятся в инвертированных отношениях. Для ребенка, нетвердо знающего алфавит, арбуз, который ему хорошо знаком и который он много раз ел, является означающим для буквы А. Если предположить гипотетического ребенка, который не знает, что такое арбуз, для означения символа А придется искать другой

известный и опробованный предмет, который помогал бы ему означать (служил означающим) эту букву в процессе освоения алфавита. То есть до момента, когда буква станет знаком слова и предмета, предмет должен послужить сам знаком для слова или буквы. Этап, на котором находятся люди, владеющие языком, и который в устах главного героя повести Александра Алана Милна знаменуется умозаключением: *П* – это Пятачки и *П* – это Пухи, – является результатом сформированных отношений и остается неизменным в стабильных условиях. В то время как изменения состояния системы в виде построения новой знаковой системы (освоение иностранного языка), или нарушение сформированной (восстановление речи после травматической афазии) вновь актуализируют инвертированные отношения между означаемым и означающим. Эта инверсия означаемого и означающего, особенно демонстративная в случае установления предметного содержания эмоции, кажется нам весьма важным, но не вполне ясным моментом трансформации первичной знаковой системы во вторичную³.

Эмоции в качестве знаков несут сигнальную информацию об отношении внешних предметов и явлений к потребностям индивида. По выражению А.Н. Леонтьева, эмоции как бы "метят" на своем языке ситуации и объекты. Таким образом, эмоциональная окраска является означающим для предметов, которые выступают как означаемые, однако анализ позволяет представить "обратные" отношения между ними. Подобно тому как в процессе освоения речи, иностранного языка, азбуки элементы **новой** знаковой системы выступают в виде означающих для более **старой** системы: непосредственного эмпирического знания, родного языка, акустических единиц; в ходе освоения (овладения) эмоций предмет как **новое** выступает в качестве означающего для переживания (игрушка радует, собака пугает). Позднее предмет приобретает более или менее постоянный "эмоциональный ярлык" – и становится означаемым для эмоции (означающего). Так, уже предвосхищение и обещание лакомства или игрушки вызывает радость ребенка, как и приближение праздника, а просьба об игрушке, лакомстве или развлечении по сути есть требование удовольствия⁴. Эти отношения (между предметом и эмоциональным переживанием) допускают смену ролей (означаемого и означающего) и будут сохранять подвижность в зависимости от освоенности, овладения и произвольности взаимодействия эмоций и их предметов. Таким образом, мир становится эмоционально расцвечен и "размечен", а **эмоции** – управляемыми.

Закljučая первую часть работы, отметим следующее.

Пример единства структурного, генетического и функционального рассмотрения психологического образования дан Л.С. Выготским при анализе становления интеллектуальных операций. Этот подход реализуется в учении о ВПФ как иерархически организованных и прижизненно сформированных в результате социального взаимодействия знаково-опосредствованных, произвольных по управлению психологических систем. Принцип целостного анализа мы попытались реализовать, дополнив его феноменологическим и семиотическим подходами при рассмотрении эмоций как высших психических функций. Если генетически эмоции выступают как ВПФ, то структурный анализ эмоций вскрывает, в первую очередь, их двойственный характер, а функциональный – знаковую природу. Центральной характеристикой зрелой нормальной эмоции является произвольность, понимаемая как возможность опосредствованного управления ее выражением, переживанием и порождением. Произвольность

³ Можно предполагать (хотя это и требует специального доказательства), что отношение между эмоцией и ее предметным содержанием сохраняет параллельное сосуществование функций означающего и означаемого: конфета (когда я ее уже пробовал) означает удовольствие, либо удовольствие – это может быть и конфета (если это способ его получения).

⁴ Обретение сладостями эмоционального значения описывает П. Лич: "Конфеты покупаются как подарок, прячутся как сюрпризы, выдаются как утешение за разбитые коленки или как лекарство от других неприятностей. Их дарят в знак любви и вместо любви..." (Лич. П. Младенец и ребенок. От рождения до пяти лет. 1993).

эмоций обеспечивается структурными характеристиками – двойственностью строения, онтогенетическим приобретением – использованием знаковых систем, символической функцией – отношением эквивалентности между "элементами" эмоции.

Произвольность эмоции как центральная феноменологическая характеристика позволяет развести понятия "эмоция" и "аффект". В норме генетический вектор направлен от аффекта к эмоции по степени нарастания произвольности и обретения предмета, однако преобразование аффекта в эмоцию происходит не простым "плюсованием" с предметом, а сложной генетической перестройкой – включением знаковых операций, изменением направления означения.

Несмотря на "целостность" и субъективную однородность эмоционального явления в норме, эмоция в определенных условиях, например, в клинике аффективной патологии, может вновь утратить свойства ВПФ: произвольность, предметность, опосредованность и пр. Клинический материал может помочь проиллюстрировать высказанные теоретические положения и получить недостающее ему психологическое осмысление. Попытке решения этой задачи и будет посвящена следующая часть работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артёмьев Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М.: Изд-во МГУ, 1980.
2. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
3. *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедер Я.* Мозг, разум, поведение. М.: Мир, 1988.
4. *Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К.* Эмоции и мышление. М., 1980.
5. *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во МГУ, 1976.
6. *Вилюнас В.К.* Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990.
7. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М., 1994.
8. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3.
9. *Выготский Л.С.* Учение об эмоциях // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6.
10. *Гельгорн Э., Луфборроу Дж.* Эмоции и эмоциональные расстройства. М., 1966.
11. *Колымба И.Г.* Психологические механизмы синдромальной коморбидности депрессивных и обсессивно-фобических расстройств. Автореф. дисс. канд. психол. наук. М., 1997.
12. *Колымба И.Г., Тхостов А.Ш.* К проблеме предметности эмоций: Материалы I Всероссийской научной конференции по психологии Российского психологического общества "Психология сегодня" (31 января – 2 февраля 1996 г.). М., Т. 2. Вып. 3.
13. *Ланге Н.Н.* Психический мир. Москва–Воронеж, 1996.
14. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1959.
15. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
16. *Николаева В.В., Арина Г.А.* От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1996. № 2. С. 8–17.
17. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии в 2-х т. М., 1989. Т. 2.
18. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
19. *Сартр Ж.-П.* Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984.
20. *Смирнов В.М., Трохачев А.И.* О психологии, психопатологии и физиологии эмоций // Чувства, влечения, эмоции. Л., 1974.
21. *Спиноза Б.* Этика // Избранные произведения. М., 1957. Т. 1.
22. *Тищенко П.Д.* Психика и соматические процессы // Общественные науки и здравоохранение. М., 1987. С. 184–194.
23. *Тхостов А.Ш.* Психологический анализ изменений личности при некоторых онкологических заболеваниях: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1979.
24. *Тхостов А.Ш.* Топология субъекта. Опыт феноменологического исследования // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1994. № 2, 3.
25. *Хайнд Р.* Поведение животных. М., 1975.
26. *Ясперс К.* Феноменологическое направление в психопатологии. М.: Логос, 1994. № 5.
27. *Якобсон Р.* Язык и бессознательное. М., 1996.
28. *Bentley I.M.* Is emotion more than a charter hearing? // Feeling and Emotions. Norchester, 1928.

© 1998 г. И.А. Васильев

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В РЕГУЛЯЦИИ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Развивается представление об эмоциональной регуляции мыслительной деятельности. Объединение и обобщение полученных эмпирических данных осуществляется на основе понятия "динамическая смысловая система". Последняя понимается как функциональная система, развертывающаяся по ходу решения мыслительной задачи. В этой системе интеллектуальные эмоции функционируют как механизмы приведения предметных характеристик проблемной ситуации в соответствие со смысловыми структурами, возникающими в ней. Интеллектуальные эмоции появляются на основе развития операциональных смыслов, представляющих собой наиболее динамичную форму существования смысла.

Ключевые слова: динамичная смысловая система, интеллектуальные эмоции, мыслительная деятельность, операциональный смысл, интуиция.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать развитие идей в области исследования эмоциональной регуляции в контексте смысловой теории мышления, выявить место этой проблематики в современном психологическом знании и наметить пути дальнейших исследований.

Речь пойдет об эмоциях, возникающих в процессе мыслительной деятельности, выполняющих в ней ряд специфических регулирующих функций, оптимизирующих ее протекание. Эти эмоции переживаются при нашем включении в процесс решения мыслительных задач и проявляются в форме удивления, чувства противоречия, сомнения, уверенности, догадки, а также в переживаниях, связанных с результатами мыслительной деятельности. Уже на описательном уровне они явно отличаются от базовых эмоций, связанных с динамикой актуальных потребностей (таких, например, как страх, гнев, печаль и т.д.), по своей модальности и интенсивности, при этом базовые эмоции обычно более интенсивны.

В древнегреческой философии уже Платон выделял специфические "умственные наслаждения" (см. [11, с. 153]). Аристотель считал, что "самый процесс познания независимо от внешних практических побуждений, с которыми он может и не быть связан, самое исследование теоретической истины составляет источник очень сильных эмоций *sui generis*" (цит. по [17, с. 864]). Большую роль Аристотель придавал чувству удивления, которое побуждает людей к познанию. В новоевропейской философии Декарт, Спиноза и Кант наделили четкой функцией в познании две эмоции: удивление, ему приписывалась функция направления внимания на познание, и сомнение, его функция – управление поиском истины. В философии интуитивизма в связи с проблематикой "озарения" в процессе познания отмечена специфическая роль чувства догадки.

В ранних работах по психологии в трактовке интеллектуальных эмоций и чувств господствовало интеллектуалистическое направление. С этой позиции интеллектуаль-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта № 97-06-08195).